

Прекрасное должно быть величаво

Эта известная фраза в очередной раз нашла свое подтверждение в ходе зонального семинара руководителей в преподавателей художественных школ, который прошел 2 ноября на базе Галичской художественной школы.

Надо сказать, что конец октября — начало ноября в нашем городе были наполнены духом творческой работы: прошли дни литературы, и этот семинар, о котором сегодня идет речь, стал логическим продолжением цепочки, дающей возможность сопереживать с искусством, с творчеством. На сей раз — с детским.

Участие в семинаре приняли представители из Шарья, Буя, поселка Чистые Боры, Мангурова, Костромы, Антропова и галичане. А темой его было использование различных материалов в развитии детского художественного творчества.

По сложившейся традиции каждая художественная школа была представлена здесь работами учащихся. К сожалению, не имеет помещения нашей школы своего выставочного зала, но художники — народ не только творческий, но и находчивый, поэтому экспозиция разместилась прямо на полу учебных классов, что, надо сказать, ничуть не мешало восприятию.

Надо отметить, что дети, обучающиеся в этих школах, показали неплохое умение пользоваться самыми различными материалами — от привычного простого карандаша и акварельных красок до работы по воску, углем,

сапгиной, в технике пастели. Но три последних материала для многих пока еще очень сложны, поэтому предпочтение все-таки отдается акварели (как краскам, так и карандашам), цветным и простым карандашам, туши.

В ходе обмена мнениями большинство участников семинара неплохо отозвалось о тех работах, которые были представлены, смогли взять для себя что-то новое. Так, например, представители Шарья рассказали об использовании игровых форм в ходе занятий в школе.

Привезенные из этого города детские рисунки были подтверждением неумности ребячьей фантазии.

Относительно недавно существует детская художественная школа в Чистых Борах, но и ее ученики достаточно смело используют в своих работах и уголь, и сапгину.

Весьма убедительную экспозицию привезли преподаватели Буйской художественной школы. Анализируя работы, также было о чем поговорить.

Но особенно хотелось бы все-таки отметить работы детей из нашей художественной школы. Я далека от мысли руководствоваться посылкой «своя рубашка ближе к телу» и понимаю, что коллектив галичан имел большую возможность представить товар лицом, не все-таки нельзя не отметить того факта, что работы наших ребят приятно отличаются от умений учащихся других школ. И здесь, мне кажется, срабатывает тот факт, что преподавательский состав школы (а он невелик) под-

ходит к процессу обучения очень требовательно, не делая скидок на возраст, добиваясь нужного результата. Безусловно, на постановку работы в Галичской детской художественной школе накладывает немалый отпечаток и характер ее директора А. А. Домнина, а я знаю его как человека бескомпромиссного, одинаково требовательного и к себе, и к окружающим, строгого в оценках, обладающего высоким эстетическим вкусом.

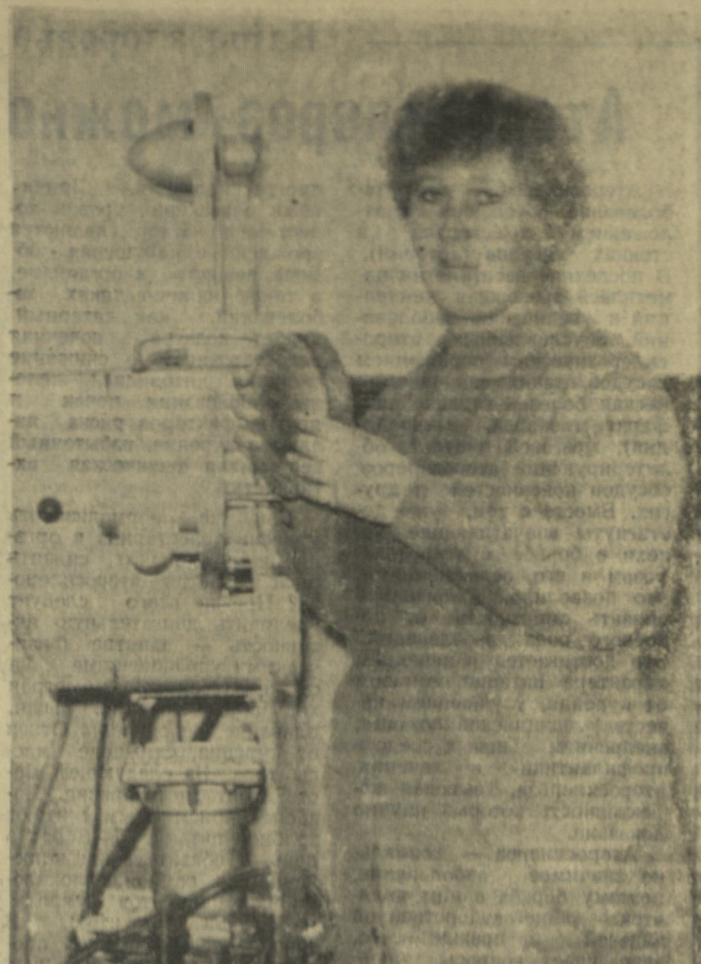
Ну и, как говорится, результаты налицо. Работы юных галичан порадовали и мастерством, и аккуратностью исполнения, и той старательностью, которая сквозила буквально в каждом рисунке.

Непросто сейчас живут эти учреждения образования: не хватает средств, трудно приобрести необходимые материалы. И тем значимее заслуга преподавательского состава, который находит возможности развивать в детях Богом заданное дарование.

Возвращаясь к семинару, хочется сказать, что его участники не только работали по вышеуказанной теме в стенах школы, но и смогли совершить небольшую экскурсию по городу, причем, несмотря на неблагоприятную погоду, по достоинству оценили красоту Галича, его архитектурные сооружения и природу.

Руководство школы, организаторы семинара от души благодарят всех, кто помог в его проведении. Прекрасно, что в городе не переловились еще меденаты.

С. РЫЧКОВА

Была у Надежды Николаевны Гендриковой попытка расстаться с кинопрокатом, в который она устроилась на работу сразу же после окончания десятого класса, но в 82 году вернулась и с тех пор уже, как говорится, без побегов.

Работает она киномехаником, но заодно и фильмопроверщицей. Это от нее зависит бесперебойная демонстрация фильмов. Вроде работа и несложная, но она знает, от ее работы зависит настроение зрителя.

На снимке: Н. Н. ГЕНДРИКОВА.

Фото А. Федорова.

Костя

Галичские этюды

Храмы Паисиева монастыря в XVII веке

(Окончание. Начало см. в №№ 111, 113, 119, 120).

Троицкий храм возводила уже другая артель каменщиков, использовавшая иные строительные приемы. Четырехугольный в плане, он был, в отличие от Успенского собора, двухэтажным. Своды первого и второго этажей — трапезной и подкеларской — опирались на один центральный столп — так еще в XVI веке возводились трапезные палаты в наиболее крупных монастырях Русского Севера: Кирилло-Белозерском (1519 г.), Спасо-Каменном (1543—1549 гг.), Спасо-Прилуцком (1540-е годы). Но для второй половины XVII века этот прием был уже весьма архаичным, что не должно вызывать удивления: в отличие от столицы, в провинциальных городах десятилетиями отработанные приемы меньше подвергались воздействию изменчивой моды, а может, такое строительство и стоило гораздо дешевле. Примером тому — галичские храмы второй половины XVIII века, по архитектурным формам в большей степени тяготевшие к допетровской Руси, нежели к блистательной эпохе русского барокко.

Опись 1701 года не дает подробного описания убранства Троицкой церкви — очевидно, к этому времени процесс ее обустройства еще не закончился. Можно сказать лишь, что иконостас в ней состоял из пяти рядов, причем праотеческий, праотеческий, денсусный и праз-

дничный были составлены из 20 икон каждый. «А те вышеописанные праздники, и пророки, и праотцы писаны в ризах на золоте, а средняя по серебру, а поля крыты вохрою», — отмечает опись 1701 года. Словом, иконы были выполнены в типичной для конца XVII века манере.

И все же создается впечатление, что по первоначальному замыслу убранство Троицкой церкви должно было преобладать убранство Успенской, однако, время все расставило на свои места. Деньги на создание иконостаса копилась в течение двух десятилетий, а с воцарением Петра Первого и началом Северной войны монастырь вообще стал испытывать серьезные финансовые трудности.

Как и на Успенской церкви, главы Троицкого храма имели луковичное завершение и были покрыты «белым немецким железом». «Да у той же церкви троицкой двери деревянные, — говорится в описи 1701 года. — На тех дверях четверы крюки железные большие. Одне (двери створные) решетчатые, у них замок всящей да прут железный и три пробы железные ж. У других дверей замок и чель железные... Да в трех окнах три решетны железные и оконницы слюдяные».

Третья монастырская церковь — во имя Святителей Московских митрополита Петра, Алексия, Ионы и Филиппа — построена также в 1696 году. Это был надратный деревянный храм

с шатровым верхом, оокожущенным лемехом. Находился он над Святыми вратами — главным входом в обитель — к востоку от Успенской и Троицкой церквей. Внутреннее убранство его было очень скромным — небольшой иконостас, состоявший всего из двух ярусов — местного и денсусного (в последнем находилось 11 икон).

Показательно другое. Три церкви обители, как бы составлявшие верхний треугольник, так или иначе прославляли великих угодников Галича: преподобных Паисия и Иакова Железноборского, а также святителя Иону, митрополита Московского. Все трое святых были современниками и немало способствовали тому, чтобы погасить пожар феодальной войны, разгоревшейся во второй половине XV века. И если преподобный Паисий, свято-ламятуя о том, что «нет власти, кроме как от Бога», вообще не вмешивался в эту распрю, благословив затем — первым из русских подвижников! — победившего в войне Василия Темного и новую Русь, поднявшуюся из пепелища войны, то митрополит Иона силой духовного авторитета немало способствовал замирению злейших врагов. С именем преподобного Иакова Железноборского, напротив, связывалось окончание противостояния князей: в 1450 году в знак победы над Дмитрием Шемякой и подчинения Галичского княжества Москве Василий Тем-

ный повесил над мощами подвижника свою кольчугу.

И вот — единый комплекс храмов, сооруженных в Паисиевом монастыре, как бы сводил вместе три великих имени, превращал обитель в своего рода духовный мемориал переломной эпохи, когда из удельной Руси рождалось единое государство. Не только тщанием (то есть усердием старанием — Ред.) князей, но и молитвенным подвигом великих святителей создавалось оно. Такова, видимо, была концепция, заложенная в основе храмовых сооружений Паисиева монастыря.

Последнее, о чем стоит сказать — это монастырская ограда. Она была деревянной, покрытой тесом. Периметр ее, согласно описи 1701 года, составлял 350 сажень (756 метров). На углах и по центру каждой стены располагалось 9 шатровых башен, покрытых тесом. В стене было прорублено четверо ворот. Главные — Святые — с шатровой церковью — по обычаю, почти никогда не открывались. В монастырь входили через небольшие воротца, расположенные рядом со Святыми воротами, ибо «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (МФ., 7: 14) — заповедал Господь. Над этими двумя вратами висел Денсус, состоявший из 24 икон. «У Святых врат и у Входных, — отмечает опись 1701 года, — две цепи, два пробола, два крюка задвижные, два замка висучие железные».

Третьи ворота назывались Съезжими — через них въезжали на территорию монастыря по хозяйственным надобностям. То были, если можно так выразиться, обычные двухстворчатые ворота, набранные из досок. Четвертые ворота с небольшим «принажитком» вели на конюшенный двор.

Ограда, а вместе с ней и надратная церковь — были разобраны едва ли не в начале XVIII века, причем, последняя уже не восстанавливалась никогда. Тогда протяженность монастырских стен была увеличена вдвое и достигла 700 сажень (1512 метров) в периметре. Старая система расположения башен сохранилась с той лишь разницей, что по сторонам Святых и Входных ворот установили две башни. Как отмечает опись 1766 года, «оная ограда и башни и крышки на них весьма ветхия». Вполне вероятно, что позднее (где-то в XIX веке) деревянную стену сменила каменная, знакомая многим по старинным фотографиям.

Таков был Паисиев монастырь в пору первого расцвета, закончившегося с началом Северной войны, когда государственные повинности почти разорили обитель: при чтении описи 1766 года трудно отделаться от впечатления нищеты и запущенности монастыря. Последующие перестройки сильно изменили его облик, но прежние величие и досих пор угадывается в изувеченных остовах двух каменных храмов.

А. АВДЕЕВ.